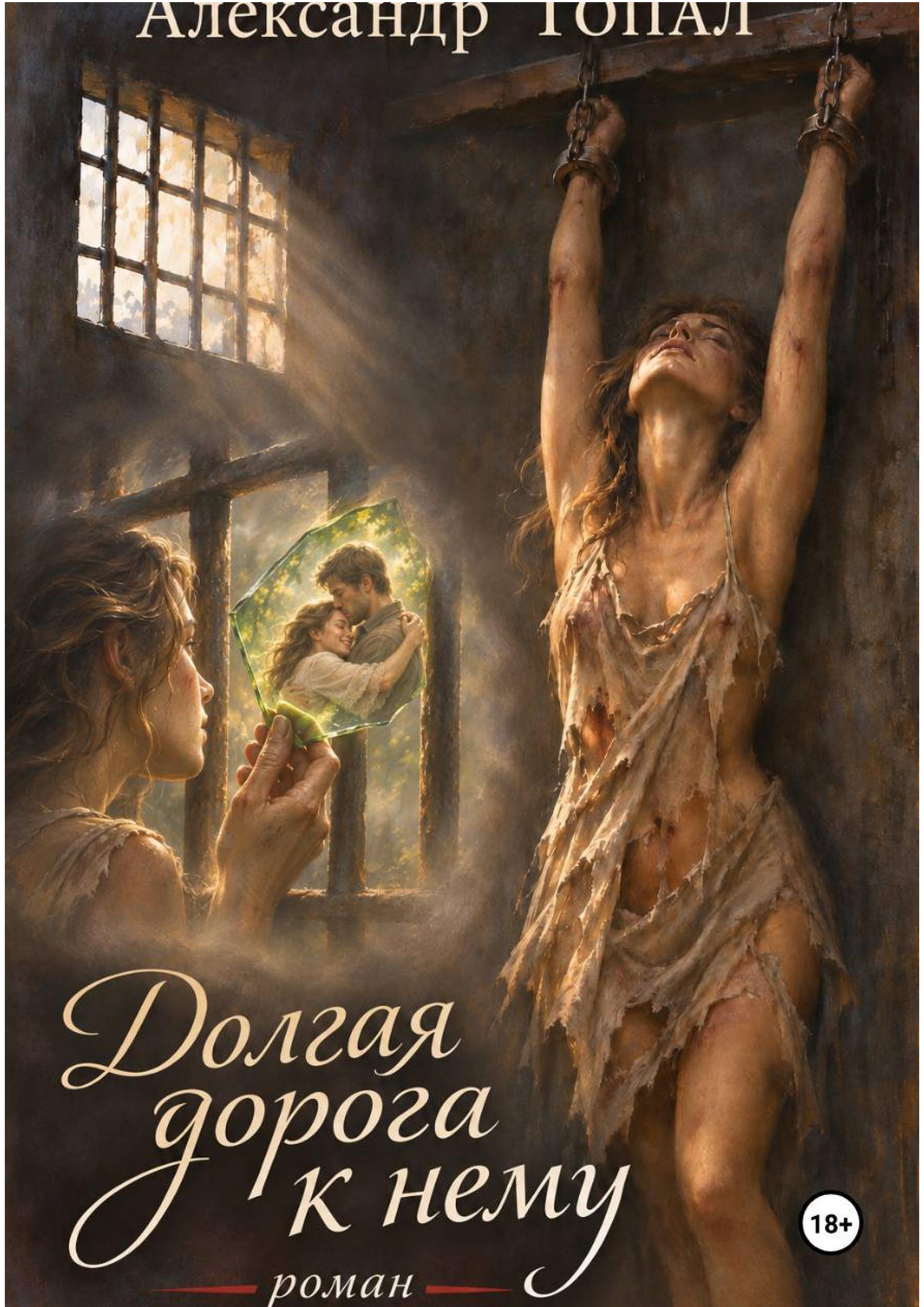
Александр Топал

Долгая дорога к нему

роман

18+

Александр Топал

Долгая дорога к нему

«Автор»
2026

Топал А.

Долгая дорога к нему / А. Топал — «Автор», 2026

Она ждала его почти десять лет. А когда узнала, что он жив, отправилась навстречу собственной трагедии.1925 год. Юлия Немчин покидает Париж и возвращается в Советскую Россию, надеясь найти следы пропавшего на войне мужа, Евгения Капорина. Но вместо долгожданной встречи её ждут арест, ложное обвинение и долгие годы сталинских лагерей.Соловки, Норильск, голод, унижения и жестокость людей, которым дана власть над чужими жизнями. В мире, где человеческое достоинство ничего не стоит, Юлия пытается сохранить единственное, что у неё осталось, — любовь и надежду.А где-то далеко Евгений продолжает искать женщину, которую судьба отняла у него много лет назад.«Долгая дорога к нему» — пронзительный исторический роман о любви, верности, человеческой стойкости и времени, которое невозможно вернуть.История о двух людях, для которых самое страшное испытание — не смерть, а жизнь друг без друга.

© Топал А., 2026
© Автор, 2026

Александр Топал
Долгая дорога к нему

Часть I. ИСЧЕЗНУВШАЯ

Глава 1. Фамилия, имя, отчество

Ленинград. 1925 год.

— Фамилия, имя, отчество?

Юлия не сразу поняла, что вопрос обращён к ней. Слова были самые обыкновенные — такие пишут в анкетах, произносят у окошка кассы или в конторе при выдаче справки. Но здесь, в тесной комнате с закрытым окном, они прозвучали так, будто у неё спрашивали не имя, а право на существование.

— Немчин. Юлия Афанасьевна.

Мужчина за столом вывел что-то пером, не подняв глаз.

— Год рождения?

— Тысяча восемьсот восемьдесят третий.

— Семейное положение?

— Замужем.

Перо остановилось.

— Фамилия мужа?

— Капорин. Евгений Николаевич.

Мужчина впервые посмотрел на неё. У него были светлые, почти бесцветные ресницы и усталое лицо человека, которому часто приходится слушать объяснения, но редко — верить им.

— Где ваш муж находится в настоящее время?

Юлия прижала руки к коленям. Между большим и указательным пальцами правой руки виднелась тонкая царапина. Вчера вечером она не заметила её. Теперь саднило так, словно порезали гораздо глубже.

— Я приехала, чтобы узнать это.

— Не спрашивал, зачем приехали. Спрашивал, где находится Капорин.

— Последнее известие было из Константинополя.

— Значит, вы с ним переписываетесь?

— Нет.

— Только что сказали: получили известие.

— Телеграмму. Одну. После многих лет молчания.

Мужчина медленно отложил перо.

— Сколько лет?

— Почти девять.

— Девять лет не знали, жив ли супруг, а теперь вдруг получили телеграмму? И немедленно отправились из-за границы в Советскую Россию?

Она хотела сказать, что между этими событиями было множество бессонных ночей, сомнений, писем без ответа, надежд, за которые потом приходилось стыдиться самой перед собой. Что «немедленно» — неверное слово для женщины, прожившей годы в ожидании. Но по выражению его лица поняла: ему нужно не объяснение, а короткая фраза, которую можно записать.

— Я искала мужа, — произнесла она.

— Здесь?

— Я надеялась найти сведения. Людей, которые могли что-то знать.

— Фамилии этих людей.

Юлия молчала.

— Не помните?

— Их у меня нет. Я собиралась обращаться в учреждения, спрашивать, писать. Не знаю, с чего мне нужно было начинать.

— А вот это мы сейчас установим.

Он подвинул к себе папку. На обложке не было ни её имени, ни номера, только неровный след от снятой бечёвки. Юлия посмотрела на папку и вдруг с ужасом подумала, что в ней может оказаться что угодно. Вся её жизнь — несколько листов, исписанных чужой рукой.

Ещё вчера она не знала, что существует эта комната.

Вчера у неё было будущее.

***

В комнате, которую Юлия снимала на несколько дней, пахло нагретой печкой и варёным картофелем. Хозяйка, невысокая вдова с сухими ладонями, говорила громко и всегда начинала с извинения: слух у неё испортился после болезни, потому она и сама не замечает, как повышает голос.

— Вы бы хоть поели, сударыня, — сказала она в тот вечер, заглядывая в приоткрытую дверь. — С утра ничего, кроме чаю.

Юлия сидела у небольшого стола. Перед ней лежали раскрытая записная книжка, конверты и листок, на котором было выписано несколько адресов. Часть этих адресов она получила ещё в Париже; остальные записала по дороге. К какому идти первым, она так и не решила.

— Спасибо. Позднее, непременно.

— Так позднее уже скоро ночь.

Хозяйка хотела добавить что-то ещё, но внизу стукнули во входную дверь. Не обычным соседским стуком, а коротко, отчётливо: три удара, пауза и ещё один.

У вдовы изменилось лицо.

— Кого это принесло? — шепнула она, хотя Юлия прежде не слышала, чтобы хозяйка шептала.

Шаги спустились по лестнице. Послышался мужской голос — негромкий, требовательный. Потом второй. Юлия поднялась, взяла лежавший на столе конверт и машинально прижала к груди. На нём не было ничего опасного: лишь парижский адрес, написанный её собственным почерком. Но вдруг стало стыдно за этот жест, словно она действительно что-то скрывала.

Хозяйка вернулась не одна.

На пороге стояли двое мужчин в тёмных пальто. Один — плотный, со сдвинутой на затылок шапкой, второй — совсем молодой, с мокрым воротником. Они принесли с собой запах сырой улицы и холод, который сразу стал чувствоваться возле ног.

— Гражданка Немчин? — спросил старший.

— Да.

— Документы предъявите.

Она открыла дорожную сумочку, достала паспорт и бумаги, с которыми пересекала границу. Старший просмотрел их быстро, но внимательно, задержавшись на отметках о поездке.

— Вещи ваши все здесь?

— Большей частью. А что случилось?

— Будет произведён обыск. Просим не мешать.

— На каком основании?

Мужчина достал сложенный вчетверо лист, развернул так, чтобы она видела печать, и почти сразу убрал обратно. Юлия успела прочесть лишь несколько официальных слов, но не поняла, что они объясняют.

— Вы ошиблись, — сказала она. — Я недавно приехала. Я никого здесь не знаю.

— Тем лучше, — отозвался молодой.

Старший посмотрел на него с неудовольствием.

— Сядьте, гражданка. И руки держите на виду.

Хозяйка всё ещё стояла в дверях, прижимая к животу край передника.

— А я? — спросила она. — Я-то тут при чём?

— Останетесь понятым, — сказал старший, хотя она, по-видимому, не понимала и этого слова.

Обыск начался с письменного стола. Молодой вывернул ящик, перебрал конверты, просмотрел страницы записной книжки и перевернул даже промокательную бумагу, как будто между её слоями мог прятаться человек. Старший методично вытаскивал вещи из чемодана. Чистое бельё он бросал на кровать, книги раскладывал на полу, чулки перетряхивал над столом. Когда из чемодана выпал сложенный белый платок, Юлия неожиданно бросилась его поднять.

— Сидеть.

— Он чистый, — сказала она, сама удивляясь, зачем это объясняет. — Я только погладила его.

Мужчина наступил ботинком на край платка, не заметив или не желая замечать. Юлия вновь опустилась на стул.

На самом дне чемодана лежала фотография Евгения. Она носила её в плотном бумажном кармашке, чтобы углы не обтрепались. Когда старший вытащил карточку, ей показалось, будто в комнате появился ещё один человек — молодой офицер, сдержанно улыбающийся, как улыбаются мужчины, которых убедили не шевелиться перед фотографическим аппаратом.

— Кто это?

— Мой муж.

— Где он?

Юлия не ответила. Вопрос повторился слишком быстро, будто собеседник нарочно касался больного места.

— Я не знаю, — сказала она наконец.

Мужчина перевернул фотографию. На обороте тонкими буквами было написано: «Юленьке. Женя». Это были всего два слова, но Юлия увидела, как они превратились в предмет расследования.

— Забираем.

— Пожалуйста, — вырвалось у неё. — Это единственная фотография, которая у меня осталась.

Старший уже вложил карточку в конверт.

— Потом разберётесь.

— Но это мой муж. Он пропал на войне. Я почти десять лет…

— Гражданка Немчин, здесь не место для воспоминаний.

Она осеклась. Позже Юлия часто будет вспоминать именно эти слова. Не угрозы, не печать на бумаге, не шорох чужих рук в её белье, а обыкновенное: «Здесь не место для воспоминаний». Словно у человека можно отобрать даже то, что никто не способен увидеть.

Молодой нашёл телеграмму.

Она лежала между страницами маленькой записной книжки, отдельно от прочих бумаг. Он прочёл несколько строк про себя и коротко присвистнул.

— Товарищ, посмотрите.

Старший взял листок двумя пальцами. Юлия почувствовала, как холод поднимается от пола к груди.

— Это личное, — сказала она.

— Личного у вас сейчас нет, — ответил он не повышая голоса.

Хозяйка тихонько всхлипнула. Никто к ней не повернулся.

***

На допросе следователь вдруг поднял голову.

— Каким образом эта телеграмма оказалась у вас?

— Её доставили по адресу, где я жила.

— Кто знал ваш адрес?

— Родные. Знакомые.

— Супруг знал?

— Когда-то знал.

— Значит, связь всё-таки поддерживали.

— Нет. Он мог узнать адрес через других людей. Я не знаю как.

— У вас на каждое обстоятельство ответ один: «Не знаю».

Юлия посмотрела на его руки. Чистые ногти, тёмные чернила возле среднего пальца, тонкое кольцо, которого она прежде не заметила. У него была семья. Может быть, жена, которая сегодня вечером будет расспрашивать, как прошёл день. Может быть, ребёнок, которому он принесёт яблоко. Внезапно эта мысль показалась ей страшнее всего: после её допроса у него останется обычный вечер.

— Я говорю правду.

— Правда, гражданка Немчин, — произнёс он, возвращаясь к бумагам, — устанавливается здесь. А вы пока отвечаете на вопросы.

Она хотела попросить стакан воды. Губы пересохли, язык будто прилип к нёбу. Но следователь уже развернул новый лист, и Юлия испугалась, что просьба будет принята за попытку прервать допрос.

— Скажите, — неожиданно спросил он, — отчего в документах вы оставили девичью фамилию?

— Потому что это моя фамилия.

— У замужней женщины обычно фамилия мужа.

— Мы с Евгением решили иначе.

— Вы решили? Или он?

— Оба.

— Отвечайте точнее. Когда?

— После свадьбы.

— Сколько лет назад?

— В тысяча девятьсот первом году.

Следователь слегка улыбнулся.

— Давно. За это время многое изменилось.

Юлия сама не знала, почему ответила:

— Не всё.

Он перестал улыбаться.

В комнате стало слышно, как на подоконник капает вода из плохо пригнанной оконной рамы. За стеной кто-то кашлял — долго, с трудом, словно не мог оторвать что-то застрявшее в горле. Следователь снова взял перо.

— Вот это ваше «не всё» мы тоже примем во внимание.

В детстве мать учила её не спорить, когда человек сердится: сначала дать ему выговориться, потом объяснить спокойно. Материнское правило не раз спасало Юлию от ссор, от нелепых обид, от слов, за которые пришлось бы просить прощения. Но здесь оно не действовало. Она молчала — и это считалось подозрительным. Говорила — и каждую фразу обращали против неё.

Ей захотелось позвать мать, как в детстве, когда она просыпалась от ночного кошмара. Но мать была далеко, и крик ничего бы не изменил. Юлия сжала руки крепче, чтобы не дрожали пальцы.

— Что содержалось в вашей записной книжке? — спросил следователь.

— Адреса. Несколько имён.

— Каких именно?

— Я не помню все наизусть.

— А я вам помогу.

Он прочёл первое имя. Юлия узнала его: дальний знакомый семьи, о котором ей рассказывали ещё до отъезда. По второму адресу собиралась искать сведения о военных пленных. Третий был записан со слов случайного попутчика, уверявшего, что там принимают прошения.

— Вы с этими лицами знакомы?

— Не со всеми.

— Но приехали к ним?

— Я собиралась обратиться за помощью.

— За какой?

— Я уже объяснила.

Следователь резко ударил ладонью по столу. Не сильно. Чернильница даже не дрогнула. И всё же Юлия отшатнулась, как от удара по лицу.

— Вам задают вопросы, гражданка Немчин, а не приглашают вести беседу.

— Простите.

Она произнесла это слово привычно, по воспитанию. И тотчас почувствовала стыд. За что она просит прощения? За то, что хочет разыскать мужа? За то, что не знает нужных адресов? За то, что испугалась?

— На сегодня хватит, — сказал следователь.

Юлия поднялась слишком быстро. Ноги затекли, и она схватилась за спинку стула.

— Мне можно домой?

Он посмотрел на неё с неподдельным удивлением. Как смотрят на взрослого человека, который внезапно задал детский вопрос.

— Какой домой?

— В комнату. Где мои вещи. Я могу завтра прийти, если требуется…

— Сядьте.

Она села.

— Вы не гостья, гражданка Немчин. И не посетительница. Вы задержаны.

Это она уже знала. Ей говорили ночью, повторяли при доставке, заставили расписаться под бумагой, которую не дали прочесть до конца. Но теперь слово будто обрело вес. Оно не обозначало действие на несколько часов. Оно означало новое положение человека, его место среди остальных.

— Я могу сообщить родным?

— Кому?

— Сестре. Или… кому-нибудь. Они будут беспокоиться.

— Запишите адрес.

Юлия оживилась. Слово «запишите» показалось ей первым человеческим предложением за всё утро. Следователь подвинул лист, она вывела знакомое имя, улицу, номер дома. Почерк получился крупнее обычного, неровный. Закончив, она ещё раз проверила цифры: они должны быть верными. Если письмо уйдёт не туда, её станут ждать, искать, проклинать за молчание.

Следователь забрал лист и положил поверх остальных.

— Передадите?

— При необходимости.

— Но вы только что…

— Я ничего вам не обещал.

Она смотрела на белый край бумаги, торчавший из-под его папки. Несколько минут назад у неё было средство сообщить о себе. Теперь её собственный адрес лежал на чужом столе, и она не могла даже коснуться его.

— Уведите, — сказал следователь.

***

Коридор тянулся длинно и неровно. Свет горел только возле поворотов, а между ними стены казались влажными, хотя Юлия не видела воды. Конвоир шёл позади и время от времени подталкивал её ладонью между лопатками. Он делал это без злобы, как подталкивают тяжелую дверь, которая плохо открывается.

Её привели в камеру, где уже находились две женщины. Первая сидела на краю деревянного настила, обняв колени; вторая стояла у маленького окна, слишком высокого, чтобы заглянуть наружу. На полу стояло ведро. Воздух пах мокрой одеждой, хлорной известью и человеческим беспокойством — у страха, как обнаружила Юлия, тоже есть запах.

— Новенькая, — произнесла женщина у окна.

Та, что сидела, подняла голову. Лицо у неё было широкое, добродушное и почти без выражения, словно она уже истратила все силы на чувства.

— Проходи, — сказала она. — Возле стены суше.

Дверь захлопнулась. Металл скрежетнул о металл. Только теперь Юлия заметила, что держит руки на груди, будто защищает от чужих взглядов то место, где прежде лежал конверт с письмами.

— Сколько времени? — спросила она.

— Времени до чего? — отозвалась женщина у окна.

— Сейчас. Который час?

— А ты попробуй спросить у стены. Ей всё равно, она не ответит. Может, тебе легче станет.

Вторая женщина укоризненно посмотрела на неё.

— Не пугай. Она и так белее штукатурки.

— Я никого не пугаю. Просто часов здесь не носят.

Юлия села на указанное место. Доски были холодными. У неё вдруг возникло отчётливое желание расправить юбку, поправить волосы, проверить, ровно ли застёгнут воротничок. Всё то, что помогало оставаться собой, когда приходилось идти на неприятную встречу. Но здесь не было зеркала. И не было человека, перед которым стоило сохранять приличный вид.

— Как звать? — спросила та, что сидела рядом.

— Юлия.

— Я — Варвара. А там Нина. Не обижайся на неё, она третью ночь не спит.

Нина отвернулась к стене.

— Не спрашиваю, за что взяли, — продолжила Варвара. — У нас тут обычно никому сказать нечего. Сама решишь — расскажешь.

Юлия хотела поблагодарить её, но горло внезапно сдавило. Не от жалости к себе, а от этих простых слов: сама решишь. Сегодня впервые кто-то оставлял ей право решать хотя бы что-нибудь.

Варвара подвинулась, освобождая немного места.

— Ложись. Потом, может, вызовут. Пока не вызвали — отдыхай.

— Меня должны отпустить, — сказала Юлия. — Произошла ошибка.

— Возможно, — ответила Варвара.

Она не улыбнулась и не возразила. От этого Юлии сделалось хуже, чем если бы женщина рассмеялась.

Нина наконец отошла от окна. В тусклом свете стала видна её молодость: едва ли двадцать лет, тонкие запястья, волосы, небрежно убранные под косынку. Девушка держала в руках свёрнутый носовой платок и всё перебирала его край.

— У тебя дети есть? — спросила она.

Юлия вздрогнула. Слишком неожиданно вопрос прошёл через все защиты, которые ей удалось выстроить за ночь.

— Нет.

— А у меня есть, — сказала Нина. — Дочка. Три годика. Вчера плакала, не хотела меня отпускать. А я ей сказала: «Мама скоро придёт». Понимаешь? Сама сказала.

Она показала платок, словно тот мог доказать, что всё было на самом деле.

— Теперь не знаю, кто ей объяснит.

Юлия потянулась к ней, но остановилась, боясь причинить боль неуместной лаской. Вспомнилась собственная сестра — маленькая Машенька, которая в детстве цеплялась за её юбку и требовала не уходить далеко. Воспоминание возникло так ясно, что Юлия даже увидела белые пальчики на синей ткани. За этим первым образом пришёл второй: зелёное стеклышко у глаза, солнечный двор, знакомый голос из открытого окна. Всё было залито светом, которого сейчас не могло существовать за каменной стеной.

— Ты чего? — спросила Варвара.

— Ничего. Мне показалось…

Она не договорила. Не хотелось объяснять этим женщинам, что иногда счастье возвращается не событием, а цветом.

Дверь открылась так внезапно, что Нина спрятала платок за спину.

— Немчин! С вещами.

Юлия поднялась.

— Какими? — спросила она, прежде чем успела подумать.

Конвоир взглянул на неё, потом на пустые руки.

— Со всеми, какие есть.

Варвара едва заметно кивнула ей, словно прощалась с дальней родственницей на станции. Юлии показалось, что она должна сказать что-нибудь важное — поблагодарить за место у стены, пожелать здоровья Нининой дочери, спросить фамилии. Но слова кончились. Она вышла, не успев даже оглянуться.

***

В небольшой комнате возле лестницы стояла скамья и висел портрет человека с суровым лбом. Юлию оставили одну. За дверью кто-то передвигал мебель; слышался скрип волочимого по полу дерева. Потом голоса стихли.

Она посмотрела на свои туфли. В правой, у самого каблука, кожа разошлась по шву. Ещё позавчера, выходя из дома, она заметила это и решила отнести обувь в починку. Теперь мысль о сапожнике казалась фантастической роскошью. Люди, наверное, и сейчас несут туфли в мастерские, выбирают нитки, сердятся из-за плохо пришитой подошвы. Должна же продолжаться жизнь, даже когда её самой в этой жизни больше нет.

Из кармана юбки она вытащила маленькую нитку. Осталась от вчерашнего обыска: кто-то зацепил пальцем внутренний шов подкладки. Юлия намотала нитку на палец, потом осторожно расправила. Не хотелось оставлять после себя мусор. Мысль была нелепой — у неё отобрали вещи, а она боялась уронить на казённый пол клочок пряжи.

В Париже, после получения телеграммы, она долго держала письмо в руках, не решаясь поверить. В том маленьком листке, пришедшем из другого мира, было всего несколько слов. И в каждом — невозможность, ставшая правдой. Она не кричала от счастья. Села на край кровати, положила телеграмму себе на колени и зачем-то разгладила складку покрывала. Позднее

она поняла: в тот день сердце её уже не выдерживало происходящего и потому искало спасения в обыкновенных движениях.

Сейчас она так же разглаживала подол юбки.

Между этими двумя жестами помещалась целая дорога — поезда, пограничные чиновники, незнакомые голоса, холодные гостиничные комнаты, ожидание в приёмных. Юлия проделала её ради человека, которому хотела хотя бы однажды сказать: «Я здесь». Не спрашивать, почему он исчез; не требовать объяснений за все годы; сначала просто сказать: «Я здесь, Женя».

В дверь вошёл молодой сотрудник, тот самый, что ночью перебирал её бумаги. На этот раз на нём был не плащ, а форменный китель. Он заметил её взгляд на подшитом кармане и торопливо поправил одежду.

— Пойдёмте.

— Скажите, пожалуйста, — спросила Юлия, — мои вещи мне вернут?

Он запнулся на пороге.

— Разберутся.

— Там фотография. Я не прошу остального. Только фотографию мужа.

Молодой посмотрел в сторону коридора, проверяя, нет ли кого поблизости.

— Не говорите больше про него, — тихо произнёс он.

— Почему?

— Я вам ничего не говорил.

Он отступил, давая пройти.

Юлия медленно шагнула за дверь. Страшнее всего было то, что он не произнёс угрозы. Он даже, возможно, хотел помочь. Но в его голосе прозвучало нечто такое, что лишило её последнего утешения: мысль о муже здесь была опасной.

Следователь не удивился её появлению. На столе лежал новый лист, отпечатанный на машинке. Рядом стоял стакан воды. Юлия смотрела только на него.

— Сядьте. Сегодня нам нужно закончить.

Он придвинул стакан. Она сделала несколько глотков. Вода была тёплой и имела неприятный железистый привкус, но ей захотелось плакать оттого, что кто-то позволил ей пить.

— Ваше объяснение, — сказал мужчина, пододвигая бумагу. — Прочтите и подпишите.

Юлия пробежала глазами первые строки. Там были её имя, год рождения и слова о приезде из Франции. Дальше она читала всё медленнее. Из текста следовало, что поездка была предпринята по заранее достигнутой договорённости с лицами, находящимися за границей; что она должна была установить связи с определённым кругом людей; что сведения, полученные в Ленинграде, предполагалось передать за пределы страны.

Она перечитала абзац. Потом ещё раз.

— Но я этого не говорила.

— Это изложение ваших показаний.

— Нет. Я сказала, что приехала искать мужа. Не знаю никаких договорённостей.

— Вы же сами назвали фамилии и адреса.

— Адреса людей, которые могли помочь! Я их почти не знаю.

— Вот именно. Не знаете людей, а разыскиваете. Надо же выяснить, кто вас направил.

— Меня никто не направлял.

— Так и запишем, если понадобится. Подписывайте.

Юлия взяла перо. Увидела, как у самого кончика собирается крохотная тёмная капля. Ей вспомнилась отцовская рука, придерживающая лист, когда она училась выводить буквы. «Не торопись, Юленька, — говорил отец. — Подпись — это твоё слово. За него отвечать будешь сама».

Она положила перо обратно.

— Я не могу этого подписать.

Следователь не шевельнулся. Только взгляд стал внимательнее.

— Можете. Рука у вас действует.

— Там написано неправда.

— А вы знаете, что именно нам известно?

— Нет.

— Тогда откуда вам знать, правда там или нет?

Юлия смотрела на него, не понимая, как отвечать. Он словно нарочно убирал землю из-под каждого её слова.

— Прошу вас, — сказала она наконец, — дайте мне прочесть протокол, где записано то, что я действительно говорила.

— Вы уже прочли.

— Нет. Не это.

Следователь подался вперёд.

— Вы считаете, что мы обязаны вам верить на слово?

— Нет. Я прошу, чтобы вы не заставляли меня говорить чужими словами.

На этот раз он ударил не ладонью, а папкой. Стакан опрокинулся, вода растеклась по столу и добралась до края листа. Юлия вскочила, стараясь отвести бумагу от мокрого пятна. Следователь перехватил её запястье.

— Сядьте.

Он держал недолго, но так крепко, что кожа побелела под его пальцами. Когда он отпустил, на руке остались красные следы.

— Вы очень упрямая женщина, — сказал он ровно. — Упрямство в вашем положении вредная роскошь.

— Я не упрямлюсь. Я только…

— Сядьте.

Юлия повиновалась. Перед глазами расплывались буквы, и ей показалось, что даже фамилия на листе написана не её, чужая. Она старательно моргнула.

— Вы знаете, что произойдёт, если мы не получим от вас необходимых объяснений? — спросил он.

— Я ничего не знаю о ваших обвинениях.

— Значит, придётся искать другие способы освежить вам память.

Впервые за весь день он произнёс угрозу так, что она не была похожа ни на предупреждение, ни на обычную служебную формулу. Юлия почувствовала страх в животе, в коленях, в корнях волос. Ничего подобного прежде с ней не случалось. Даже когда приходили известия с войны, даже когда объявили Евгения пропавшим без вести, мир оставался миром, где могли ошибаться люди, но существовали понятные правила. Здесь правила менялись от одного движения чужой руки.

Она очень тихо спросила:

— А если я подпишу, вы сообщите моей сестре, где я?

Следователь помолчал. Потом вытер залитый водой угол стола.

— Вы хотите заключить со мной сделку?

— Нет. Я хочу, чтобы она не думала, будто я пропала.

— На эту тему распоряжений не было.

— Она ждёт от меня письма.

— Значит, подождёт.

Юлия опустила голову. Ей внезапно представилось, как далеко отсюда, в светлой комнате, кто-то у окна прислушивается к шагам почтальона. Как проходит ещё день, затем другой. Как сперва находят объяснения — почта задерживается, Юлия занята, в дороге мало времени, — а

потом начинают бояться тишины. И никто не догадается, что в эту минуту она сидит за столом напротив незнакомого мужчины, который может одним росчерком пера отрезать её от всех, кто её любит.

— Я всё равно не подпишу неправду, — сказала она.

Следователь некоторое время разглядывал её. Затем без спешки убрал лист в папку, словно разговор касался недоставленного товара.

— Что ж. Запишем отказ от подписи.

— Это означает, что вы меня отпустите?

Он вздохнул, и в этом вздохе было не раздражение, а почти усталое сожаление.

— Гражданка Немчин. Вы, кажется, до сих пор не поняли, где находитесь. Вы здесь не потому, что у нас возникли к вам вопросы. Вопросы возникли потому, что вы здесь.

Он позвал конвоира.

— Отвести. До особого распоряжения. Вещи — в хранение.

Юлия встала. У самой двери её остановил голос следователя:

— И перестаньте спрашивать, когда пойдёте домой. Есть основания полагать, что домой вы больше не вернётесь.

Она обернулась. Ей хотелось узнать, откуда у него такая уверенность, что произошло с её фотографией, вернут ли хотя бы платок, можно ли будет послать письмо. Но губы не слушались, а конвоир уже держал дверь открытой.

По коридору её вели медленно. Где-то за стенами, далеко, прозвучал трамвайный звонок. Отчётливый, весёлый, совершенно неуместный. Юлия вдруг вспомнила, как Женя, выходя из дома, всегда на мгновение возвращался: то за перчатками, то за забытым портсигаром, а однажды — вовсе ни за чем. Тогда он засмеялся и сказал, что забыл главное, после чего поцеловал её в висок.

Она помнила это прикосновение через двадцать четыре года брака и девять лет разлуки так ясно, будто оно случилось утром.

А теперь её вели туда, откуда, возможно, не было дороги обратно. И ей не позволили даже сообщить, что она жива.

Юлия приложила ладонь к виску, на том самом месте, которого когда-то коснулись его губы. Конвоир окликнул её, велел идти быстрее. Она опустила руку и пошла.

В папке на столе следователя осталось её имя.

А сама Юлия Афанасьевна Немчин исчезла для всех, кто мог произнести его с любовью.

Глава 2. «Я жив»

Ленинград. 1925 год.

— Вы утверждаете, что не знаете, где находится ваш муж?

Юлия узнала голос прежде, чем подняла голову. Следователь стоял у окна, держа в руке лист бумаги. Утро едва началось. Сквозь мутное стекло проступала полоска серого неба, но электрическая лампа над столом продолжала гореть. Желтоватый свет делал лицо мужчины болезненным.

— Я говорила об этом вчера.

— Вчера вы много чего говорили.

Он положил лист на стол. Юлия узнала телеграмму по надорванному углу. Её сложили иначе, чем складывала она: поперёк, по самой середине слов. Из-за этого показалось, будто чужой человек переломил не бумагу, а маленькую, почти невозможную радость, которую она столько времени берегла.

— Прочтите вслух, — приказал следователь.

Она посмотрела на печатные буквы. Они были знакомы до последней неровности. Юлия умела повторить эти слова наизусть, ночью, во сне, в шуме вокзала. И всё же теперь не могла произнести первого.

— Зачем?

— Чтобы мы оба понимали, о каком документе идёт речь.

Она взяла телеграмму. Бумага оказалась мягкой на сгибах, истёртой от прикосновений. Её пальцы помнили этот лист лучше, чем холодную кружку, которую она держала утром в камере.

— «Я ЖИВ. ПРИЕХАТЬ НЕ ИМЕЮ ВОЗМОЖНОСТИ. ЖЕНЯ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ.»

Следователь не отозвался. Ему, по-видимому, было важнее не содержание, а то, каким голосом она произнесла последние два слова.

— Теперь объясните, почему после такой телеграммы вы отправились не в Константинополь, а в Ленинград.

Юлия хотела ответить сразу. Но перед ней вдруг возникло другое окно — высокое, парижское, с тонкой полоской зимнего солнца на полу. И человек, стоявший возле двери, вежливо протягивал ей конверт.

***

В Париже в тот день шёл дождь. Он не падал стеной, как иной раз бывало в Петербурге, а висел между домами, мелкий, упорный, похожий на туман, которому надоело оставаться неподвижным.

Юлия сидела за столом и зашивала распоровшуюся подкладку на старом жакете. Не потому, что работа была неотложной. Просто руки должны были чем-нибудь заниматься. С тех пор как она научилась жить без известий о Евгении, тишина сделалась её главным противником. В тишине разум принимался искать признаки того, чего уже, вероятно, не существовало.

Когда раздался звонок, она даже не подняла головы. За последние годы к дверям столько раз подходили с письмами, квитанциями, просьбами и чужими новостями, что один звонок перестал означать надежду.

— Мадам Немчин? — спросил посыльный.

— Да.

— Телеграмма для вас.

Она взяла конверт и сперва посмотрела на адрес. Её фамилия, улица, номер дома — всё было верно. Откуда он пришёл, она не поняла. На обороте виднелись служебные отметки, похожие на следы чьей-то спешки.

— Нужно расписаться, мадам.

Юлия расписалась. Посыльный ушёл, а она осталась в прихожей, держа конверт двумя руками. Почему-то вспомнила день, когда впервые получила официальное известие о том, что Евгений пропал без вести. Тогда тоже была бумага. И тоже человек, которому требовалась подпись.

Она раскрыла конверт ногтем большого пальца.

Первое слово было коротким: «Я».

Второе — таким простым, что она несколько мгновений не могла понять его смысла.

Жив.

Она перечитала строку. Потом всю телеграмму. Потом повернула лист к окну, словно в более ясном свете обнаружится чья-нибудь насмешка, ошибка телеграфиста, чужая фамилия. Но внизу стояло: «Женя».

Её Женя никогда не подписывался в домашних письмах полным именем. Даже в последние военные месяцы, когда цензура и полевые почтовые правила превращали человеческую речь в осторожные сообщения, он находил возможность остаться для неё Женей. Однажды написал: «Моей Юленьке от твоего Жени». Она долго смеялась над этой нелепой торжественностью, а потом прятала письмо под подушку.

Юлия прислонилась к стене. Конверт соскользнул на пол. Ни крикнуть, ни заплакать она не смогла. Её тело словно не решалось поверить раньше разума. Сердце билось слишком быстро, но всё вокруг оставалось до странности неподвижным: мокрый зонт у двери, маленькое зеркало, непрочно прибитый крючок, на котором висела сумочка.

— Женя? — спросила она вслух.

Никто не ответил.

Она вдруг засмеялась. Один раз, коротко, некрасиво. И тут же закрыла рот ладонью. Ей стало страшно: если она позволит себе радость, не окажется ли всё это ошибкой? Счастье, пришедшее после стольких лет, казалось чем-то подозрительным, почти незаконным.

Юлия пошла к столу, но не дошла. Опустилась прямо на край кровати, прижимая лист к груди. Из-за окна послышался скрип колёс. Кто-то внизу торопливо сказал по-французски, что опаздывает. Город продолжал жить, не замечая, что в одной из его комнат только что воскрес человек.

Она перечла телеграмму ещё раз. А затем вдруг спросила себя о единственном, о чём не хотела спрашивать:

Почему он не написал раньше?

Вопрос обжёг её стыдом. Девять лет она молила Бога хотя бы об одном слове, а получив его, уже хотела объяснений. Юлия прижала бумагу к губам.

— Прости, — прошептала она. — Конечно, прости. Ты жив. Больше мне пока ничего не нужно.

Но в телеграмме были и другие слова: «Приехать не имею возможности».

Они стояли сразу после чудесного известия, словно тень, отбрасываемая светом. Юлия поняла, что её счастье ещё не вернуло ей мужа. Оно только отменило его смерть.

***

Афанасий Михайлович приехал вечером. Юлия сама послала за ним записку: «Папа, приди сегодня. Очень прошу. У меня есть известие о Жене». Более точных слов она не осмелилась доверить бумаге.

Он вошёл, не сняв пальто, и с порога спросил:

— Что случилось? Где ты его нашла?

В его голосе было столько тревоги, что Юлия на мгновение увидела перед собой не пожилого человека с поседевшими висками, а прежнего отца — того, который когда-то прибегал на детский крик и всегда был уверен, что сумеет помочь.

Она молча протянула телеграмму.

Афанасий Михайлович читал медленно. Дочитав, оглянулся на дочь. Потом снова посмотрел на лист. На секунду его нижняя губа дрогнула, и Юлия отвернулась: она никогда не умела спокойно смотреть, как плачет отец.

— Живой, — произнёс он наконец. — Господи, значит, живой.

Он сел. Перекрестился — быстро, почти виновато, как человек, который давно отвык делать это при других, но сейчас не сумел удержаться.

— Ты уверена, что это от него?

— Папа!

— Я не сомневаюсь в Жене. Я боюсь за тебя. Между этими вещами огромная разница.

— Подпись его. Адрес мой откуда-то узнал. И Константинополь… Разве кто-нибудь стал бы придумывать такое?

Отец провёл большим пальцем по краю бумаги.

— Люди придумывают и не такое. Но я хочу верить, что это он. Очень хочу.

Юлия придвинулась ближе.

— Представляешь, где он был? Что с ним произошло? В шестнадцатом перестали приходить письма. Потом сообщили, что пропал. Мы ждали, спрашивали, отправляли запросы…

А он всё это время где-то жил. Дышал. Видел море, улицы, чужих людей. Может быть, думал обо мне.

— Наверняка думал.

— Мы этого не знаем, папа.

— Не знаем, — согласился отец. — Но я старый человек и иногда позволяю себе верить без доказательств.

Она улыбнулась. Это была первая настоящая улыбка за много месяцев; губы словно вспомнили давно забытую работу. Афанасий Михайлович заметил её и почему-то быстро опустил глаза.

За ужином они почти не ели. Юлия снова и снова разворачивала телеграмму, а отец предлагал написать, узнать подробности, не торопиться с выводами. Они обсуждали возможность отправить письмо в Константинополь, но точного адреса не было. Одна подпись, название города и несколько служебных отметок не превращались в обратный путь.

— А если он болен? — сказала Юлия. — Если поэтому не может приехать?

— Возможно.

— Или нет денег. Или документы. Он мог не написать, чтобы меня не тревожить.

— Возможно и это.

— Папа, перестань говорить «возможно».

— А что мне говорить, Юленька? Я хочу сказать тебе правду. Пока мы знаем только, что он жив и сумел послать весточку.

Она обхватила чашку ладонями. Чай остыл. Раньше отец казался ей человеком, который знает ответы на все вопросы. Теперь она вдруг увидела, что ему тоже страшно, только он привык прятать страх под осторожностью.

— Я должна к нему поехать.

Афанасий Михайлович поднял голову.

— В Константинополь?

— Я ещё не решила, куда. Но оставаться здесь и ждать второго чуда не могу.

Отец долго смотрел на неё. Затем осторожно сложил телеграмму, будто надеялся, что аккуратные сгибы помогут привести в порядок и будущее.

***

Они спорили не в тот вечер. Первые дни радость была слишком хрупкой, и Афанасий Михайлович не хотел её трогать. Он приходил с газетами, с советами знакомых, с выписанными адресами контор. Вместе они пытались выяснить, как можно разыскать человека в Константинополе и что требуется для поездки.

Но из всех разговоров постепенно складывалась одна неприятная вещь: дорога из Парижа к Евгению не становилась короче. Наоборот, с каждым новым ответом возникали вопросы.

Евгений не мог приехать во Францию. Почему — он не сообщил. Юлия боялась, что за скупыми словами скрываются болезнь или опасность. Зато мысль о Ленинграде становилась для неё всё убедительнее. Там оставались следы прежней жизни, знакомые фамилии, люди, через которых можно было попытаться узнать о судьбе русского офицера. Туда, на родину, Евгений, возможно, сумел бы добраться легче, чем во Францию, — если препятствие заключалось именно во французском въезде. Она не знала, что это так. Но надежда редко ждёт доказательств, прежде чем выбрать направление.

— Ленинград? — переспросил отец, когда она впервые произнесла название города. — Ты решила ехать в Ленинград?

— Там можно будет выяснить, что нужно для его возвращения. Я найду людей, которые хотя бы скажут, куда обратиться.

— А если он не собирается возвращаться в Россию?

— Я узнаю это. Напишу ему, когда найду способ связаться.

— Юля, ты сейчас строишь дорогу из одних предположений.

— А ты предлагаешь вообще не строить?

Отец подошёл к окну. Парижские крыши были влажными, серыми, и где-то над ними пробивался тонкий солнечный просвет.

— Я предлагаю помнить, откуда мы уехали.

Она ничего не ответила.

— После смерти Ленина они делят власть, — продолжил Афанасий Михайлович. — В газетах сегодня одни имена, завтра другие. Здесь одни рассказывают о новых порядках, другие — о послаблениях. А оттуда приходят письма, в которых люди боятся назвать соседей по фамилии. Ты понимаешь, что это значит?

— Я понимаю, что Женя жив.

— Одно не отменяет другого.

Он сел напротив неё. Никогда прежде Юлия не замечала, как устали его руки. На указательном пальце распух сустав, ноготь большого пальца потемнел у края. Руки человека, который за свою жизнь подписывал договоры, держал детские ладошки, устраивал семейные праздники, а теперь не мог защитить собственную дочь даже добрым советом.

— Мне написали из России, — тихо сказал он. — О знакомом учителе. Его увели после разговора с кем-то из сослуживцев. Жена ходила по учреждениям — в одном не знали, в другом велели ждать. Потом письмо оборвалось. Я не знаю, что с ним. Может быть, его уже выпустили. Но семье никто ничего не объяснил.

— За что его взяли?

— Вот именно. Никто не смог мне ответить.

Юлия отвела взгляд. Ей хотелось возразить, что учитель и она — совершенно разные люди, что у неё нет политических дел, что она едет только искать мужа. Но отец, словно угадав её мысль, произнёс:

— Тебе кажется, что невиновному нечего бояться. Я бы и сам хотел в это верить.

— Я не поеду тайком. У меня будут документы. Я всё оформлю как следует.

— Бумаги защищают от чиновников, которые признают значение бумаги. А от человека, которому всё равно, что на ней написано, они не защищают.

— Если бы я знала, что он мёртв, — сказала она, — я бы осталась. Но теперь знаю, что он жив. Ты просишь меня поступить так, будто телеграмма не приходила.

Отец накрыл её руку своей.

— Я прошу тебя не исчезнуть вслед за ним.

Она почувствовала, что этот довод сильнее всех остальных. И всё-таки не могла принять его. Между ней и Евгением лежала целая пропасть лет, и на дальнем её краю наконец показался живой человек. Отступить сейчас означало бы не просто отказаться от поездки. Означало бы оставить его там одного.

***

Однажды Афанасий Михайлович привёл к ней французского юриста. Мэтр Этьен Морель был человеком лет сорока, в хорошем костюме, с аккуратной бородкой и мягкими манерами. Он говорил по-русски с трудом, поэтому большую часть беседы вёл по-французски. Юлия отвечала ему медленно, выбирая слова; отец иногда вмешивался и уточнял смысл.

Морель просмотрел её документы, выслушал историю телеграммы и сказал, что поездка потребует тщательной подготовки. Он не обещал чудес. Именно это и понравилось Афанасию Михайловичу.

— Я хотел бы, чтобы вы сопровождали мою дочь, — сказал отец. — Не только до границы. В Ленинград. Чтобы вы были рядом, когда ей понадобится обратиться к властям.

Юлия резко повернулась.

— Папа, мне не нужен надзиратель.

— Тебе нужен человек, который знает, как разговаривать с учреждениями, — ответил отец. — Это разные вещи.

Морель вежливо поднял ладонь.

— Мадам, я вовсе не собираюсь решать за вас. Моя задача — сопровождение и юридические консультации. Но прежде необходимо уточнить документы и возможность моей собственной поездки. Советская сторона вправе отказать мне во въезде.

— А если откажет? — спросила Юлия.

— Тогда мы будем знать об этом заранее.

Последующие недели наполнились мелкими делами, которые создавали видимость порядка. Они собирали справки, уточняли маршрут, получали необходимые разрешения. Морель присылал записки на плотной бумаге и вёл себя почти безукоризненно: всегда приходил вовремя, говорил спокойно, не позволял себе пустых обещаний. Потом попросил задаток — на подготовку и сопровождение. Афанасий Михайлович заплатил.

— Это большая сумма, папа, — сказала Юлия, когда юрист ушёл.

— Меньше, чем цена твоего одиночества в чужих канцеляриях.

— Россия мне не чужая.

— Я говорил не о стране.

Она тогда не поняла, почему он произнёс эти слова так печально.

В последнюю неделю отец несколько раз говорил о возможном отказе от поездки, но уже не спорил. Однажды принёс ей шерстяной платок, тонкий, тёмно-синий.

— В Ленинграде ветер с Невы, — сказал он.

— Ты говоришь так, будто я забыла родной город.

— Ты помнишь другой город, Юленька.

Она развернула платок и приложила к щеке. Он пах магазинной бумагой и чем-то едва уловимым, почти домашним.

— Я скоро вернусь, папа.

Отец посмотрел на неё так, будто хотел попросить никогда больше не произносить этих слов.

***

Утром отъезда Париж был прозрачным после ночного дождя. Юлия заранее разложила документы на столе: паспорт, разрешения, билеты, записную книжку, телеграмму. Последнюю она собиралась держать при себе. Как будто можно было потерять известие о том, что человек жив, если слишком далеко убрать его в чемодан.

Афанасий Михайлович приехал до назначенного времени. Войдя, первым делом спросил, звонил ли Морель.

— Нет. Он должен подойти к вокзалу.

— Я всё-таки проверю.

Отец отправился к телефону. Юлия тем временем застёгивала чемодан, когда услышала его голос — сначала любезный, потом напряжённый, а затем совсем чужой.

— Что значит «не представляется возможным»?.. Но у нас соглашение… Сегодня отъезд, месье Морель. Сегодня, а не на будущей неделе.

Она не разглядела, как отец положил трубку. Только увидела, что он стоит к ней спиной, опираясь рукой на край столика.

— Папа?

Он обернулся медленно.

— Он не едет.

— Заболел?

— Нет.

— Что случилось?

— Сказал, что возникли обстоятельства. Какие именно — объяснять отказался. Он не может сопровождать тебя в Россию и, как выяснилось, не собирается возвращать задаток.

Юлия сперва даже не рассердилась. Слова были слишком нелепыми. Ей показалось, будто отец повторяет чужую шутку, настолько бездарную, что её невозможно принять всерьёз.

— Он ведь всё подготовил.

— Подготовил. И теперь отказывается.

— Но деньги…

— Деньги оставим на потом.

Афанасий Михайлович надел шляпу и попросил её подождать. Он поехал к юристу лично. Юлия не пыталась остановить его. Стояла у окна, наблюдая, как по тротуару движутся прохожие, и чувствовала, как внутри неё растёт неприятная уверенность: всё это произошло не случайно. Она не знала почему, не имела ни одного доказательства, но отказ в самую последнюю минуту был похож не на изменение планов, а на бегство.

Отец вернулся через час. Он устал так, словно прошёл через целый город пешком. Перчатки держал в одной руке, другую не вынимал из кармана.

— Он принял вас? — спросила Юлия.

— Нет. Со мной говорил служащий. Передал, что условия договора не предусматривают возврата расходов на подготовку.

— Но он не выполнил главного.

— Именно это я ему и передал.

— И что?

— Ничего.

Она увидела на лице отца не гнев, а унижение. Человек, который всю жизнь старался выполнять обещания, обнаружил, что чужое слово может ничего не стоить, даже когда за него заплачено. Ей захотелось обнять его, попросить прощения за эти деньги, за бессмысленные хлопоты, за тревогу. Но он вдруг сказал совсем другое:

— Значит, мы отменяем поездку.

Юлия подняла глаза.

— Нет.

— Не спорь. Я пытался обеспечить тебе хоть какую-то защиту. Теперь её нет.

— У меня есть документы.

— Это не защита.

— Я не ребёнок, папа.

— Для тебя это довод. А для меня ты всё равно моя девочка.

Она подошла к нему и взяла за руку.

— Если бы мама исчезла, а потом вдруг прислала тебе весточку, что жива, разве ты остался бы здесь потому, что какой-то юрист испугался ехать?

Отец отвёл взгляд. Юлия сразу пожалела о вопросе. Он был жесток именно потому, что не позволял возразить.

— Не надо так, — тихо произнёс он.

— Прости. Я не хотела.

— Хотела, Юля. Потому что знаешь, как я люблю вас всех.

Она прижалась лбом к его плечу. От отцовского пальто пахло табаком и холодным воздухом. Этот запах мгновенно вернул её в детство, когда взрослый мир казался огромным, но безопасным: стоило взять папу за руку, и всё дурное оставалось позади.

— Я не хочу делать тебе больно, — сказала она.

— Тогда останься.

Юлия закрыла глаза. За его плечом лежал собранный чемодан, у самого края стола — телеграмма. Её жизнь разделилась между двумя людьми, которых она любила, и ни одного нельзя было уберечь от боли.

— Не могу.

Отец не отпустил её сразу. Потом осторожно поцеловал в волосы.

— Я знаю, — сказал он.

***

На вокзале было шумно. Люди обнимались, спорили о местах, проталкивали между ног чужие чемоданы. Юлия держалась рядом с отцом, и оба говорили о вещах, которые ничего не значили: где лежат билеты, достаточно ли у неё денег, не забыла ли она лекарства. Им казалось, что пока они произносят такие слова, прощание ещё не началось.

— Напиши сразу, как приедешь, — попросил отец.

— Конечно.

— И если увидишь, что там всё иначе, чем ты себе представляла, возвращайся. Не доказывай никому, что была права.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.